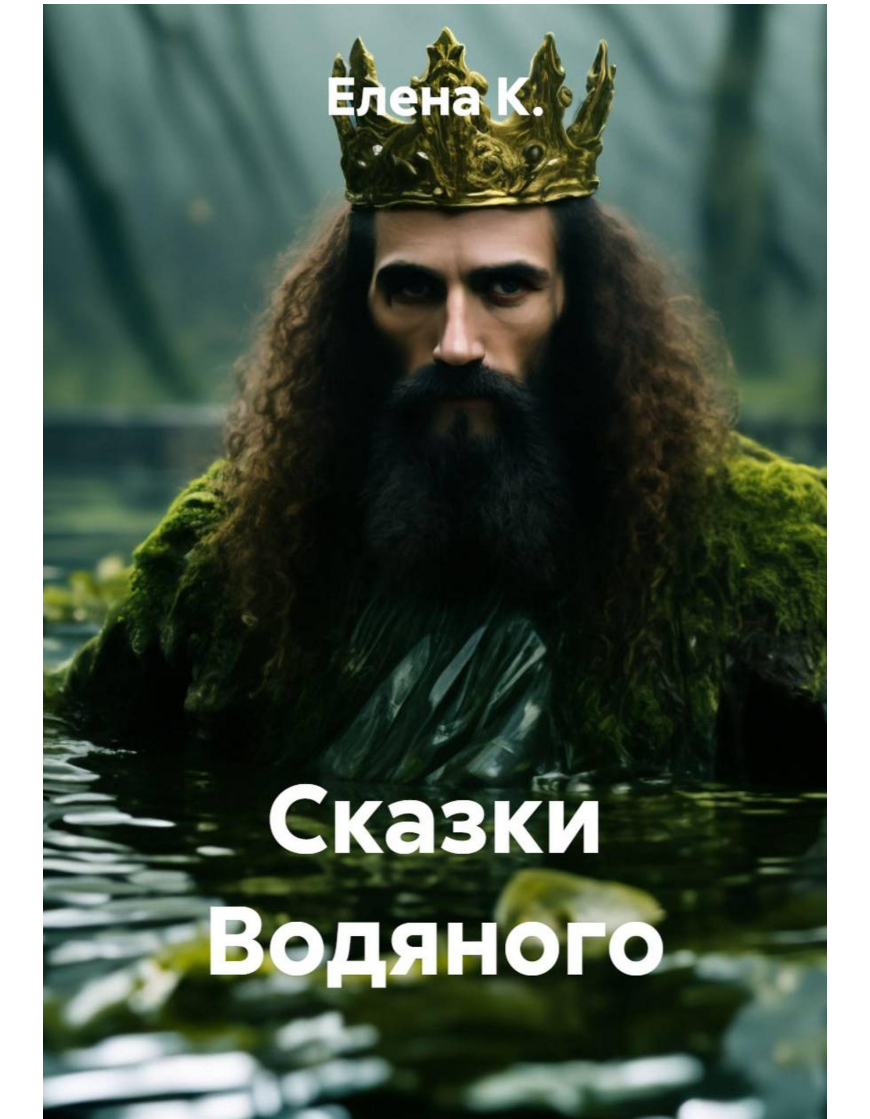

A man with a long, dark, curly beard and hair, wearing a golden crown, is emerging from a body of water. He is wearing a dark, mossy cloak. The background is a blurred, greenish-blue landscape.

Елена К.

Сказки Водяного

Елена К. Сказки Водяного

<https://litres.ru/74317813>

SelfPub; 2026

Аннотация

В волшебном лесу живут необычные герои: строгий Мстислав Барон, который ради спасения девочки Леи нарушает собственный устав; педантичный Фандорин, постепенно понимающий, что не каждое чудо нужно записывать; расчётливый Кощей, пробуящий писать стихи и открывать сердце; чуткая Морена, умеющая слышать тени и возвращать забытое; молчаливый Драгур, для которого доверие — главное; и неугомонный Водяной, который учит сухой город быть чуть более мокрым — а значит, живым и добрым. Истории сплетаются в единую картину мира, где порядок не противоречит чуду, а внимание к другому становится самым сильным волшебством. Книга для тех, кто верит: чтобы спасти мир, порой достаточно просто остановиться, прислушаться и сказать спасибо.

Содержание

Все Главы	4
«Как Водяной дорогу искал»	5
Глава вторая. След, которого не видно	9
Глава третья. Тень, которая хотела прямой дороги	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елена К.
Сказки Водяного

Все Главы

«Как Водяной дорогу искал»

Жил-был на краю Тёмного бора Водяной — не злой, не добрый, а такой, что вечно всё путал. Он не со зла, а просто по своей водяной природе: для него мир был не из земли и деревьев, а из течений, теней и отблесков. То рыбу научит петь, да так, что та выводила рулады, от которых у лягушек уши сворачивались в трубочки. То ряску заставит плясать вприсядку, и та кружилась по глади озера, будто на невидимом балу. А однажды и вовсе перепутал берега: левый назвал правым, правый — левым, и все в лесу сбились с пути.

Сначала никто и не заметил беды. Путники шли себе, думали, что всё как всегда. Но вот купец, что нёс в город мёд, вдруг оказался у старого пня, где никогда раньше не бывал. Потом охотник, который знал лес как свои пять пальцев, вышел к болоту, где нога человечья сто лет не ступала. А следом и гонцы, что везли срочные вести, начали кружить на одном месте, будто их кто-то водил по кругу.

Тогда-то и дошло до Мстислава Барона — человека строгого, с усами, как два крыла, и взглядом, от которого даже ветер становился тише. Он собрал совет у большого дуба, где собирались все лесные жители, когда случалась беда.

— Ну-ка, прекращай путаницу! — обратился он прямо к Водяному, который сидел на коряге и пускал пузыри, раз-

глядывая, как они переливаются на солнце. — У нас гости едут — принц Виринея с дружиной, а дороги нет. Если они заблудятся, весь лес будет виноват, а я не хочу объяснять князю северных земель, почему мы не смогли встретить почётного гостя.

Водяной вздохнул, и от этого вздоха по воде пошла крупная рябь, словно озеро тоже огорчилось.

— А я не нарочно! — пробормотал он, теребя водоросли, будто это были шнурки на сапогах. — Просто у воды свои правила: где тихо — там и берег, где шумно — там середина. А у меня в озере сегодня всё шумит! Ветер гуляет, птицы кричат, даже камни, кажется, шепчутся. Вот я и запутался, где что.

Мстислав Барон хотел было строго погрозить пальцем, но тут из чащи вышла Морена — в плаще из тумана, тихая, будто тень, и такая спокойная, что даже тревожные мысли рядом с ней становились тише.

— Если дороги нет, — сказала она мягко, но так, что все сразу прислушались, — значит, её надо выслушать. Дороги ведь не только ногами ходят, их ещё и слушают. У каждой тропы есть свой голос — кто-то шуршит листьями, кто-то звенит камешками, а кто-то просто дышит землёй.

Все переглянулись. Даже Кошей, который обычно сидел в стороне и считал всё подряд — капли дождя, звёзды на небе, слова в разговорах, — поднял бровь и перестал щёлкать пальцами.

Морена повела всех туда, где тропа пряталась под мхом и шептала листьями. Оказалось, тропа обиделась. Её никто не благодарил, не замечал, все только шли по ней и ворчали, если она становилась скользкой после дождя или узкой там, где хотелось идти быстрее. Тропа устала быть просто дорогой.

Тогда Валаам Прибрежный, который умел говорить с камнями и понимал язык земли, наклонился к самой земле, положил ладонь на мох и сказал:

— Прости нас, тропа. Мы спешили, забывали смотреть по сторонам. Спасибо, что держала нас, не дала провалиться в болото, укрывала от колючек и показывала путь, даже когда мы сами не хотели его видеть.

Тропа чуть улыбнулась — а у троп это бывает: они становятся мягче и светлее, будто солнце ложится на них по-другому. И вдруг стала видна — не как линия на земле, а как знакомый, родной путь, который все знали с детства, но забыли.

Кощей, который всё это время сидел на пне и считал, сколько раз слово «дорога» прозвучало (вышло ровно сорок два), вдруг хмыкнул:

— Вот ведь штука: иногда, чтобы найти путь, не надо ни карты, ни компаса. Надо просто сказать «спасибо». И ещё — надо уметь слушать.

Принц Виринея приехал, всё нашёл, устроил пир на весь мир. На том пиру Водяной впервые не путал бокалы и не

наливал квас в тарелки для мёда. Он сидел рядом с тропой (точнее, у начала тропы) и время от времени наклонялся к ней, будто прислушивался.

А потом, когда гости разъехались и лес снова стал тихим, Водяной каждый вечер выходил к берегу и спрашивал у тропы:

— Ну как ты тут? Не устала? Может, тебе мха подсыпать, чтобы мягче было?

И тропа ему тихо отвечала шорохом травы, шелестом листьев и лёгким дуновением ветра — так, что только тот, кто умел слушать, мог разобрать слова.

Глава вторая. След, которого не видно

После того как тропа вернулась, в лесу будто что-то сдвинулось: даже старые деревья стали чуть прямее, а тени легли аккуратнее, будто теперь всему хотелось быть на своём месте. Но не все были готовы принять, что чудеса случаются от одного «спасибо».

Драгур, который привык доверять только тому, что можно потрогать, понюхать и проверить, ходил по тропе и хмурился. Он наклонялся, водил пальцами по мху, вглядывался в землю так, будто надеялся увидеть там буквы, которые всё объяснят.

— Тут нет следа, — пробормотал он однажды, когда Водяной радостно распевал на берегу, уверяя, что тропа сегодня особенно хорошо поёт. — Ни копыта, ни сапога, ни когтя. Просто мох. И ты говоришь, она «шепчет»?

Водяной замер с открытым ртом, будто проглотил слово и не знал, как его вернуть.

— Ну... да. Она шепчет. Ты просто не умеешь слушать.

Драгур хмыкнул, поправил плащ и сказал твёрдо:

— Я умею слушать шаги. Ветер. Треск ветки. А шёпот тропы — это, наверное, ветер в листьях. Или ты сам себе придумал.

Это прозвучало не со зла, а как констатация: Драгур не терпел неясности. Для него мир делился на то, что есть, и то, чего нет. А между этими двумя состояниями не должно быть никакой магии — только следы.

И он решил провести расследование.

Первым делом Драгур пошёл к Эрасту Фандорину. Тот как раз сидел на пне, аккуратно раскладывая на чистой тряпичке свои инструменты: маленький компас, линейку, лупу и блокнот с твёрдой обложкой. Он поднял глаза, улыбнулся вежливо и тут же записал что-то — видимо, выражение лица Драгура.

— Господин Фандорин, — сказал Драгур без предисловий, — мне нужно понять, как работает эта тропа. Если она исчезает и появляется, должен быть механизм. След. Изменение почвы. Хоть что-то, что можно измерить.

Фандорин отложил карандаш и посмотрел на Драгура с искренним интересом.

— Любопытная постановка вопроса. Вы ищете физическую причину, а не метафизическую. Это похвально. Но в этом мире, боюсь, физика и поэзия ходят по одной дороге — и не всегда можно отделить одну от другой.

Драгур нахмурился ещё сильнее.

— Значит, вы тоже не знаете.

— Знаю только одно: когда мы перестали замечать тропу, она исчезла. Когда начали замечать — вернулась. Это не механика, это... внимание. Как будто дорога — это чувство,

которому нужно, чтобы его видели.

Драгур потёр подбородок.

— Чувство не оставляет следов.

— А благодарность оставляет, — тихо сказал Фандорин.
— Не на земле, а в воздухе. В голосах. В том, как люди идут.

Но Драгура это не убедило. Он решил действовать по-своему: обойти лес, найти место, где тропа исчезла, и понять, что там было не так.

Он шёл, не торопясь, останавливаясь у каждого подозрительного камня, проверяя, не сдвинут ли мох, не примят ли папоротник. И наконец нашёл то, что искал: у старого дуба, где тропа делала поворот, земля была чуть светлее, будто её чем-то посыпали. Драгур наклонился, понюхал, попробовал на ощупь.

— Соль, — пробормотал он. — Кто-то рассыпал соль.

В этот момент рядом появился Кощей. Он не подкрался — просто вдруг оказался там, будто тень решила стать человеком.

— Ага, — сказал Кощей, глядя на соль с видом человека, который только что нашёл недостающую деталь головоломки. — Соль. Вещь понятная. Она сушит. Она мешает расти. И она... обижает.

Драгур поднял на него глаза.

— Обижает?

Кощей пожал плечами.

— Тропа — она из земли, из мха, из корней. Соль для

неё как холод для огня. Кто-то хотел, чтобы тропа ушла. Не силой, а равнодушием и солью. Хотел, чтобы её заменили чем-то другим. Мостом, дорогой, чем угодно.

Драгур вдруг вспомнил слова камня, которые передал Ва-лаам Прибрежный: «Зачем нужна дорога, если можно построить мост?»

— Значит, это не случайность, — проговорил Драгур. — Это... намерение.

Кощей кивнул.

— Намерение — самая сильная вещь в мире. Сильнее меча. Сильнее ветра. Оно может стереть дорогу, если никто не будет её защищать.

Драгур медленно поднялся, стёр соль с земли ладонью и прошептал, почти против воли:

— Прости, тропа. Я не верил, что ты живая. Прости, что искал только следы.

И тропа ответила. Не словами, а тем самым знакомым теплом, которое разливается по ступням, когда понимаешь: ты на верном пути.

Тут подошёл Фандорин, аккуратно записал в блокнот: «Соль как символ пренебрежения. Внимание как противоядие». Потом посмотрел на Драгура и улыбнулся:

— Иногда самое важное расследование — это не поиск улик, а признание, что ты чего-то не понимал.

Драгур не ответил сразу. Он постоял, слушая, как шепчет тропа, как ветер шевелит листья, как где-то далеко поёт Во-

дяной — теперь уже не громко и не смешно, а тихо, будто разговаривает с лесом.

А потом сказал просто:

— Теперь я слышу.

С этого дня Драгур стал тем, кто первым замечал, если тропа начинала грустить: если мох становился жёстким, если камешки звенели не так, как надо. Он не говорил много, но всегда находил время положить ладонь на землю и сказать: «Я здесь. Я вижу тебя».

И тропа знала, что её не забудут.

Глава третья. Тень, которая хотела прямой дороги

Драгур не любил загадок, но ещё больше он не любил, когда кто-то делал зло, прикрываясь «лучшим решением». Соль у дуба не была случайностью — это был поступок. И Драгур решил найти того, кто его совершил.

Он начал с самого простого: пошёл по лесу, не торопясь, и смотрел не на тропу, а на то, что рядом с ней. На сломанные ветки, на примятый папоротник, на следы, которые не принадлежали ни зверю, ни человеку. Следы были странные: будто кто-то шёл, стараясь не наступать на тропу даже краем сапога, будто она его раздражала.

К полудню Драгур добрался до старой просеки — там, где лес когда-то рубили, а теперь росли молодые берёзки и тянулись к солнцу колючие кусты. И тут он увидел: на земле, прямо у края просеки, лежала забытая вещь — медный гвоздь с широкой шляпкой, такой, какими крепят доски на мостах.

Драгур поднял его, повертел в пальцах. Металл был тёплый, будто его недавно держали в руке. И пах не лесом, а железом и смолой.

— Это не лесной предмет, — пробормотал Драгур.

Рядом будто из воздуха возник Кощей. Он не шагнул, не

хрустел ветками — просто стоял и смотрел, как будто знал, что Драгур сюда придёт.

— Мост строят не в лесу, — сказал Кощей спокойно. — А на границе. Где кончается земля и начинается вода. Или где кончается терпение.

Драгур прищурился.

— Ты знаешь, кто это сделал?

Кощей чуть наклонил голову.

— Знаю, кто мог бы так думать. Есть один человек — он называет себя инженером. Приехал из далёких мест, где дороги делают прямыми, как стрелы, и не любят, когда они петляют. Он говорит, что тропы — это хаос, а порядок — это мост.

— Где он?

— У реки. Там, где тропа спускается к воде. Он уже начал вбивать сваи.

Драгур кивнул, сунул гвоздь в карман и пошёл туда, где река шептала громче, чем тропа.

У реки действительно стоял незнакомец. Высокий, в кожаном фартуке, с молотом в руке и чертежом, прижатым к груди. Рядом лежали толстые брёвна, а в воде уже торчали первые сваи — они стояли ровно, как солдаты, и будто отталкивали воду в стороны.

Незнакомец поднял глаза, когда Драгур вышел из-за куста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.